

Сергей Довлатов в армии.

"Большой, чёрный, вы сразу испугаетесь..."

Мы познакомились весной 1972 года на какой-то вечеринке в Ленинграде. Правда, я помнила только то, что был большой, страшный человек, который все время от меня чего-то хотел. Спустя несколько месяцев он приехал в Таллин, позвонил мне и сказал, что он на вокзале и ему некуда идти. Я его спросила: "А как я вас узнаю?" Он мне говорит: "Большой, чёрный, вы сразу испугаетесь. Похож на торговца урюком". Он собирался пожить у меня, пока не вернутся его таллинские друзья. Друзья вернулись, выезжать он не хочет. Настал момент, когда надо либо милицию вызывать, либо поддаться на ухаживания.

— И вы совсем не были им увлечены?

— Я его боялась. А потом потихоньку он остыл. Вообще мы больше были друзьями. Почитайте его письма.

Саша

2.4.78. Милая Тамара! Позорно и жалко, что ты застала меня в непотребстве. Обсуждать эту ситуацию нет времени. Есть оказия — Рогинский. Пишу впопыхах, сумбурно и косноязычно. Ты кое-что сообщила матери. Сейчас я задам тебе несколько вопросов. Построены они будут в расчете на однозначное "да" или "нет". Так, чтобы ты смогла ответить казенной почтой. На мои пронумерованные вопросы ты отвечаешь любыми фантазиями, но по числу вопросов, в той же последовательности и содержащими эти самые "да" или "нет". Например, я спрашиваю: "Есть ли у нас антисемитизм?". Ты отвечаешь: "Любовник у меня, разумеется, есть". И так далее. Постарайся, чтобы ответы читались естественно и непринужденно. 1. Правда ли, что тебя вызывали снова? 2. Только ли обо мне шла речь? 3. Сложилось ли у тебя впечатление, что они расположены меня отпустить? 4. Было ли произнесено: "Мешать ему никто не будет"? 5. Был ли задан вопрос, дословно или хотя бы приблизительно: "Согласитесь ли вы, Зибунова, быть свидетелем, если Довлатов попадет в историю?" 6. Точно ли, что Нинев (дай Бог ему здоровья) готов в любую минуту заняться удочерением нашего (дай Бог ему счастья, удачи и более достойного, чем я, отца) младенца? 7. Ненавидишь ли ты меня? Презираешь ли? Простишь ли когда-нибудь? Это все, пока.

— Мне было стопроцентно ясно, что он уедет не сегодня, так завтра. Когда он был трезвый и у него что-то получалось, он жил в Ленинграде. Когда у него был срыв и полный запой, он возвращался в Таллин. Для себя я решила, что я никуда уезжать не собираюсь. Вам этого не понять, но если бы я стала матерью-одиночкой, то получала бы деньги на ребенка. Но Сережа мне сказал: "Тамара, ты очень меня оскорбишь, если откажешься записать меня Сашиним отцом". Я обещала подумать, но он, видимо, испугался, что я откажусь, и попросил свою приятельницу пойти с ним в ЗАГС и сыграть роль меня. (В то время для регистрации ребенка, если родители не состоят в браке, должны были прийти оба родителя.)

— А кто имя выбрал?

— Имя сразу же было. Мы ждали мальчика и решили назвать Александром, или Александрой, если будет девочка. От Пушкина — Александр Сергеевич.

— Саша похожа на отца?

— Очень. Даже не столько на него, сколько на Нору Сергеевну (мать Сергея Довлатова. — А.К.). Саша ее никогда не видела, но у нее абсолютно те же жесты. А душевно она больше его дочь, чем моя. Я это поняла очень рано. Она даже иногда что-то пишет, и стиль у нее такой же, как у него.

"Что касается Саши, то запомни раз и навсегда: она моя законная дочь, она была вписана в мой паспорт, а значит, где-то есть соответствующая запись, я ее единственный, пардон, отец и обязан, именно обязан по закону, заботиться о ней. Другое дело, что я, конечно, плохой отец, как и плохой сын, плохой муж и плохой вообще, но помогать ей обязан. Рано или поздно, года через два-три, она поймет, что быть моей дочерью не так уж страшно. Катя это уже поняла и почувствовала."

Смерть

— Было девять дней со смерти Цоя, и Сашка сказала: "Я хочу поставить свечку". Мы были в Пскове. Пока мы в Михайловском, Тригорском и Петровском бродили, все церкви закрылись, и у Саши была страшная истерика. Она вся тряслась. Я вынуждена была дать ей таблеточку. Когда мы приехали в Таллин, у нас разрывалась междугородка и нам рассказали, что Сережа умер. Я сопоставила часы, и мне даже стало страшно: у Саши была истерика, когда Сережа умирал. Через два месяца после Сережиной смерти я получила письмо от Лены (американская жена Довлатова. — А.К.). В нем она спокойно объясняла, что копируют у нее и что даже те письма, которые у меня есть, я опубликовать не могу, а если сделаю это, она меня засудит. Лена написала мне, что если я хочу, чтобы о моей дочери заботились, то должна выслать ей все Сережины письма. Ей и этого показалось мало, и она прислала в "Советскую Эстонию" (центральная эстонская газета. — А.К.) письмо-объявление, что если у кого-то в Таллине есть письма, то чтобы не смели печатать. И тогда я пошла в Инюрколлегия с просьбой ознакомить меня с завещанием. Мне сказали, что у Саши есть все права, но нужно судиться. Я ответила, что мне не нужно американское имущество, но только те гонорары, которые есть в России. Через некоторое время Лена приехала в Ленинград, и общие друзья спросили ее, не хочет ли она поделить с Тамарой. Она сказала, что "Тамара знает мои условия". В итоге помогли мне растить Сашу Сережины друзья, иногда Нора Сергеевна присылала какие-то деньги.

Между Таллином и Ленинградом

— Почему вы расстались с Сергеем?

— Меня не устраивало положение одной из двух жен: Сережа метался между Леной и мной. Там он каждый раз уверял, что с Тамарой покончено. А потом возвращался в Таллин. У нас в это время была бурная переписка. В итоге я поставила условие: либо ты со мной и Сашей встречаешься Новый год, либо все, конец. Мне звонила его мать, Нора Сергеевна, плакала: "Тамарочка, как же вы хотите, чтобы я, старая, осталась без сына на Новый год...". Он приехал на следующий день после Нового года. Он меня просто гипнотизировал. Он был очень обаятельным человеком, и, когда он был рядом, я просто не могла сопротивляться. Но тем не менее я поняла, что все равно все закончится, и чем раньше, тем лучше. Через год Лена эмигрировала. Думаю, она предполагала, что он уедет за ней. Сережа же очень мучительно уезжал. Он прекрасно знал, что я ему подпишу любую бумагу, касающуюся Саши. Закон был таков, что он должен был положить мне на сберкнижку все алименты до восемнадцати лет перед тем, как эмигрировать. Но матери рассказывал, что я не даю ему своих подписей. Он боялся уезжать.

7.5.78. Милая Томушка! Это письмо сразу же истреби. И сведения не разглашай. Дела обстояли так. Последние три-четыре недели ощущался заметный нажим. Опрашивали знакомых. Тех, кому я должен быть антипатичен. Чтобы охотнее давали показания. Как и в твоём случае. И снова ошиблись. Затем меня поколотили среди бела дня в милиции. Довольно ощутимо. Дали подписать бумагу, что я оказывал "злостное сопротивление". Чего не было и в помине. Я подписал, а ты снова начали

бить. И вышибли передний зуб. Эта бумага с моей подписью (если они захотят) — 191 статья, до 5 лет. После этого меня вызвали и отчески спросили: чего не едешь. Я сказал — нет вызова. Да и не решил еще. Они сказали, не надо вызова. Пишите, мол, хочу соединиться в Риме с женой. Я говорю: нас развели в 71-м году. Что же я в СССР восемь лет не соединялся, а теперь вдруг соединюсь в Риме. Они говорят: ваш развод — формальность. А мы не формалисты.

Когда он перед отъездом сидел здесь у меня, пьяный, он говорил: "Здесь я пьяный, я обаятельный, вы меня все любите... Но я обаятельный только на русском языке. А что же я там буду, как?" Много лет спустя мы с Женей Рейном обсуждали, что было бы сейчас, если б Сережа остался. А я не знаю, дожил бы он или нет. У него была такая натура — со срывами. Все что угодно могло бы произойти за двенадцать лет. Он писал мне уже из Америки, что "я хочу приехать, но я не хочу приезжать евреем из Нью-Йорка. Я хочу приехать писателем".

"...Недавно прочитал в мемуарах Эренбурга, что, вернувшись в Москву из Парижа, он хотел написать французским друзьям, что рвал все свои письма. Он говорит: "Мы жили в разных измерениях". Я Эренбурга очень хорошо понимаю. Ничего невозможно объяснить. Все, что я мог бы написать, требует подробных, рискованных объяснений. Я не могу объяснить, счастливы мы или несчастливы, богаты

— Часто?

— Нет, это не совсем то. Мы не спорили, а разговаривали как люди согласные в главном, но когда нюансы у каждого разные. Сережа от точного литературного образа и слова просто пьянел. У нас была собачка, фокстерьерша Глаша. Мы складывали возле пеньки березовые дрова. Глаша легла возле полена. Я говорю: "Боже мой, Глаша, ты как березовая чурка". Сережа просто затрясся от восторга.

Довлатов — котлетный вор

— Однажды я купила по случаю шесть или семь килограммов мясных обрезков. Весь вечер крутила котлеты, сделала больше ста и очень радовалась, что теперь неделю можно не готовить. Утром просыпаюсь и обнаруживаю, что от котлет ничего не осталось. А Сережа — "Томушка, прости, я всю ночь не спал из-за этих котлет. Съел котлетку, лягу, вспоминаю, что там еще полно. Так всю ночь и бегал за ними."

А еще Сережа очень любил делать подарки. Ходил по комиссиям, выискивал. После заповей он возвращался с подарками. Как-то после очередного экстаза звонок в дверь. Я открываю: там стоит торшер. Я все поняла, схватила его и быстро захлопнула дверь. Но после этого сердиться уже невозможно. В другой раз приятельница мне выговаривала, как я все эти довлатовские безобразия терплю. А я никак не могла ей объяснить, что он какой-то "торшерный" жест делает — и невоз-

Тамара Зибунова и Сергей Довлатов. Лето 1974 года.

Мск. Кемсману. -1997. -3сент. -с.4.

ДОВЛАТОВ: ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Сегодня Сергею Довлатову было бы пятьдесят семь. Можно долго рассуждать о том, что и как изменилось бы, если бы он остался жить, о том, какое он оказал бы влияние на русскую литературу и на ситуацию в обществе, о том, чего не успел или не смог. После смерти человека рождаются легенды: кто-то создает их невольно, кто-то — сознательно. Покойник, особенно знаменитый, должен быть причесанным. Его жизнь должна соответствовать академическим образцам. В результате за пределами официальной биографии остаются живые люди.

О таллинском периоде жизни Довлатова многие предпочитают забыть. Тем не менее он был и остался. Как остались женщина и дочь, которые его любили и которых любил он. Тамара Николаевна Зибунова рассказала корреспонденту "МК" о том, что Довлатов был не совсем таким, каким его удобно описывать официальным биографам.

Сергей Довлатов с Сашей. Саше — неделя. 1975 год.

или бедны, почему я недоволен своим литературным положением, что меня угнетает в семейной жизни. Поэтому говорить можно либо о самом общем и главном, либо о пустяках. Главное заключается в том, что эмиграция — величайшее несчастье моей жизни, и в то же время — единственный реальный выход, единственная возможность заниматься выбранным делом. При этом я до сих пор вижу во мне Щербаков переулок в Ленинграде или подвальный магазин на улице Рабчинского. От крайних форм депрессии меня предохраняет уверенность в том, что рано или поздно я вернусь домой либо в качестве живого человека, либо в качестве живого писателя. Без этой уверенности я бы просто сошел с ума."

"Странная у меня судьба: в Союзе я — "бывший", продавший за чечевичную похлебку, а здесь меня считают чуть ли не большевиком, или во всяком случае розовым..."

Довлатов на каждый день

— Сережа был абсолютно литературным человеком. Он жил по литературным сюжетам. Просыпаясь, разворачивал людей к себе так, чтобы они вписывались в придуманные им сюжеты на этот день. В один день я была тургеневской женщиной, лучшей в мире, а в другой — дочерью полковника, которая всегда хорошо питалась. Любимым его занятием было чтение книг. У нас было две комнаты: я лежала в одной, читала, он — в другой. Если я начинала смеяться, он немедленно влетал: "Что тебя рассмешило?". У нас было любимое развлечение — составлять сборник лучшего рассказа в мировой литературе. Но мы сходились на трех-четырех, а потом начинали спорить...

Саша Довлатова и Тамара Зибунова.

можно устоять. И тут — как иллюстрация — звонок в дверь, я открываю, там трехлитровая банка, полная роз, и виноватый Довлатов. И она все поняла.

А как-то Сережа месяца полтора работал кочеваром. Для него это было очень тяжело: "Тамара, ну приди, не могу я один". И он носил уголь, а я за ним хвостом ходила.

— Каким вы его вспоминаете?

— Все Сашино детство я заботилась о том, чтобы у нее были только хорошие воспоминания об отце. Поэтому в нашей семье он существует в таком отредактированном виде. В этом смысле Саша очень счастливая, потому что если Катя и Коля (старшие дети Сергея Довлатова. — А.К.) видели его разным, то для нее он овеян романтическим ореолом.

Милая Тамара, прости за сумбур и всякие нелепости, переписывать все это нет сил. Я тебя по-прежнему люблю и уважаю, и воспоминание о дружбе с тобой — одно из самых горьких, а разлука с тобой — одна из самых тяжелых потерь. Если можешь, прости мне заранее все, тем более что многих вещей тебе просто не понять издалека. Несмотря ни на что, я верю, что рано или поздно Саше /младшая дочь писателя. — Прим./ станет понятно, что я ее не опозорил. Я не бедный и не богатый, поскольку все это относительно, просто я этнический писатель, живущий за 4.000 километров от своей аудитории. При этом, как выяснилось, я гораздо более русский, точнее — российский человек, чем мне казалось, я абсолютно не способен меняться и приспосабливаться, и вообще, не дай Бог тебе узнать, что такое жить в чужой стране, пусть даже такой сытой, румяной и замечательной. Я знаю русских из первой эмигрантской волны, они прожили здесь по 40–50 лет, и по-прежнему в них можно узнать русских на расстоянии 500 метров...

Тамара Николаевна и Саша Довлатова-Мечик (у Сергея Довлатова была сдвоенная фамилия: Мечик — по фамилии его отца, Довлатов — по матери) теперь живут в России. Они вынуждены были покинуть квартиру в Таллине, в которой прожили всю жизнь, — вернулся прежний хозяин. В России они никому не нужны. "Мы фактически бомжи", — сказала мне Тамара Николаевна при встрече. Она, несмотря на то, что очень больна и должна быть поближе к врачам, живет почти за триста километров от Москвы — в общежитии музея-усадьбы Грибоедова. Музей оказался единственным местом, где ей удалось получить работу. Саша скитается по наемным квартирам.

Трудно поверить в то, что близкие люди одного из самых значительных писателей нашего времени вынуждены жить в нищете только потому, что постепенно умирают друзья Довлатова, которые хоть как-то о них заботились: Бродский, например, оплачивал обучение Саши в университете. Трудно поверить в то, что больше никому нет дела до их судьбы.

Анна КОВАЛЕВА.

Фото и письма из архива Тамары Зибуновой и Александры Довлатовой-Мечик.

Публикуются впервые.

Взяла — Хмелита — Москва.